

Агеева Елена Андреевна

**РОСКОШЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

В статье рассматриваются попытки регулирования потребления роскоши, предпринятые российским государством и обществом в период Первой мировой войны. Особое внимание уделяется полемике по поводу ввоза предметов роскоши на территорию России. В статье также анализируются особенности института роскоши российского общества начала XX века и периода Первой мировой войны. Некоторые исторические источники впервые вводятся автором в научный оборот. Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке социальных, исторических и экономических наук.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 16-25. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются попытки регулирования потребления роскоши, предпринятые российским государством и обществом в период Первой мировой войны. Особое внимание уделяется полемике по поводу ввоза предметов роскоши на территорию России. В статье также анализируются особенности института роскоши российского общества начала XX века и периода Первой мировой войны. Некоторые исторические источники впервые вводятся автором в научный оборот. Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке социальных, исторических и экономических наук.

Ключевые слова и фразы: роскошь; Первая мировая война; экономическая политика государства; запрет на ввоз предметов роскоши; регулирование потребления; институт роскоши; дискуссия в обществе.

Агеева Елена Андреевна, к.и.н., доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ageeva_Elena_Andreevna@mail.ru

**РОСКОШЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ[©]**

Первая мировая война изменила систему международных отношений, радикально перестроила экономику воюющих стран. Произошли значительные трансформации экономической политики государств, пересмотр экономических соглашений, форм и методов государственного регулирования экономики. Война преобразовала социальные отношения, позиции, личностные устремления.

Среди различных проблем социально-экономического характера, возникших в связи с военными событиями, в российском обществе значительное место занял вопрос о борьбе с роскошью. Эта тема затрагивала государственные интересы в экономической сфере, была тесно связана с проблемой определения приоритетов и условий внешней торговли, а также с принципами налогообложения. Составляющей частью социально-экономической политики государства являлись вопросы о запрете ввоза предметов роскоши в Россию и об их налогообложении на территории страны.

Проблема определения меры и доли государственного регулирования экономики в специфических условиях войны вызвала значительные дебаты в общественных организациях, научных кругах, в периодической печати. Правительство должно было учитывать настроения в обществе, взгляды интеллигенции, требования торгово-промышленного класса, позицию политических деятелей. Невозможно было игнорировать и патристический настрой широких слоев русского общества, выразившийся в появлении определенных социально-экономических взглядов, принципов, убеждений, относительно распределения материальных благ, поведения потребителя, морально-этических норм гражданина.

Актуальность исследуемой темы не вызывает сомнений. В современной России в условиях возрастающей социально-экономической дифференциации общества, выдвигаются проблемы государственного регулирования экономики, совершенствования налогового механизма, определения возможностей участия общества в решении этих проблем.

В апреле 2009 года Председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ С. М. Миронов выступил с инициативой введения в России налога на роскошь. Законопроект был отклонен, однако это событие в очередной раз заставило говорить о феномене роскоши в жизни современного общества и последствиях этого явления. События показывают, что запрос на социальную справедливость в российском обществе очень велик. В настоящее время в Государственной Думе и широких кругах общественности обсуждается вопрос, недвижимость и автомобили какой стоимости считать роскошью.

Экономическое развитие России в годы войны, вопросы внешней политики, экспорта и импорта, проблемы налогообложения и сверхприбылей анализируются многими авторами, однако тема попыток регулирования государством и обществом потребления предметов роскоши практически не исследована историками.

Целью настоящего исследования является анализ экономического и социального аспектов потребления предметов роскоши в период Первой мировой войны, условий импорта этих товаров и попыток его ограничения, рассмотрение позиции российских экономистов и предпринимателей по проблеме ввоза и налогообложения предметов роскоши в 1916-1917 гг., выраженной в периодической печати.

Источниками работы являются законодательные акты, статистические материалы, периодическая печать 1916-1917 гг., мемуары политических деятелей эпохи Первой мировой войны и революции.

Прежде чем анализировать попытки регулирования потребления предметов роскоши в период войны, необходимо выяснить **сущность категории «роскошь» и ее место в социально-экономической жизни общества**. Заметим, что до настоящего времени это понятие является не вполне определенным. Оно изменялось с течением времени и зависело от уровня развития производительных сил, исторической обстановки и других факторов.

Российские экономисты, начиная с XVIII века, обращались к понятию «роскошь» и его значению в экономической жизни общества. Подобный анализ можно найти в работах И. Т. Посошкова, Н. С. Мордвинова,

Н. И. Тургенева, М. И. Туган-Барановского. Наиболее концентрированное понимание роскоши, данное в XIX веке, содержится в словаре В. И. Даля. В. И. Даль делит понятие «роскошь» на: относящееся к жизни, человеку; относящееся к предмету; роскошь в значении качества и свойства [7, с. 177]. Роскошь – это такое потребление, которое выходит за пределы необходимого; это понятие имеет количественные и качественные характеристики.

Особой популярностью и уважением в российском обществе конца XIX – начала XX в. пользовались идеи представителей немецкой классической экономической школы. Теория роскоши **Вернера Зомбарта** (1863-1941 гг.), классика немецкой социологии и экономики была известна в российских научных кругах. В. Зомбарт в работе «Роскошь и капитализм» (издана в 1912 году) предпринял попытку анализа сущности и критериев роскоши с точки зрения социолога и историка. Методологический подход В. Зомбарта содержит элементы, уникальные в своем роде, в частности, гендерный подход к феномену роскоши. Немецкий социолог связал развитие роскоши с изменением положения женщины в европейском обществе. Не случайно первоначальное название его работы было «Любовь, роскошь и капитализм» [9].

М. О. Меньшиков – известный русский мыслитель и публицист конца XIX – начала XX в. – дает замечательное понимание комфорта и роскоши, чрезвычайно актуальное для человека XXI века. «Городская цивилизация, – пишет мыслитель, – состоит из множества благ искусственных, условных, ненужных и доступных лишь с большим трудом». Природа, чистый воздух, отсутствие шума на улице, роскошный пейзаж за окном – роскошь более «роскошная», чем флакон духов, равный стоимости десятины земли, или гобелен в дорогой квартире, из которого невозможно «выгнать пыль и моль» [15, с. 363]. Комфорт и роскошь для Меньшикова – это не только тротуары, мягкие диваны, газ, водопровод и т.п., но в первую очередь наука и искусство, являющиеся «скровищами цивилизации».

В современной науке роскошь трактуется как социальный институт. Институт роскоши – это система устоявшихся традиций и норм потребления, стиль жизни, модели поведения, признание ценности определенных предметов, которые считаются для определенных слоев общества статусными и престижными. Это – правила, ценности, идеалы. Они задавались общими национально-культурными традициями российской деловой и частной жизни.

Институт роскоши, безусловно, **связан с экономическими институтами** общества: с частной собственностью, материальным производством, рынком. Следует также отметить, что личностный уровень, выражавшийся в мотивах, предпочтениях, субъективных целях и оценках потребителей и производителей предметов роскоши был тесно связан с общественным институциональным уровнем.

Современная наука оценивает роскошь с позиций историзма. **Историзм** в понимании роскоши означает, что эта категория зависит главным образом от культурных потребностей человека, которые определяются особенностями исторической эпохи. **В новое и новейшее время** на явление роскоши оказывали влияние процессы, связанные с модернизацией общества. Урбанизация сыграла огромную роль: города стали центрами не только производства, но и потребления. Отели, театры, магазины, рестораны и музыкальные заведения – это места удовлетворения потребностей в удобстве, удовольствиях, комфорте, часто связанных с расточительством. Одним из главных веяний этого времени становится презрение к деньгам, возможность их тратить на развлечения, сиюминутные удовольствия, игры, покупку вещей не первой и даже не «второй необходимости». Таким образом, предмет роскоши является материализацией идеи благополучия конкретной исторической эпохи. Буржуазная модернизация, технический прогресс сделали, например, таковым автомобиль.

Институт роскоши в начале XX века представлял совокупность следующих элементов: предметы роскоши, их производство, каналы их распространения, к которым относятся рестораны, универсальные магазины; формы досуга; правила и принципы потребления, выработанные обществом (традиции, привычки, словесная идентификация); государственные нормы, регулирующие этот процесс (налогообложение, условия экспорта – импорта, содержащиеся в торговых уставах).

Предметы роскоши в российском обществе в начале XX века можно объединить **в несколько групп**. В первую очередь это – продукты питания, перечень которых можно легко выяснить, знакомясь с художественными и публицистическими произведениями той эпохи. Например, В. А. Гиляровский упоминает такие экзотические продукты и вина, как руанские утки, яблоки кальвиль из Франции, красные курапки из Швейцарии, рыба-соль из Средиземного моря; вина от Дебре (коньяк «финьшампань» № 195, портвейн № 211 и № 113, шампанское «Редерер» и «Клико») [5, с. 153].

Другую категорию роскоши составляют меха, модная одежда, парфюмерия, престижность и стоимость которой определялась качеством ткани, видом меха, фасоном, аксессуарами, искусством портного и скорняка, а главное, соответствием новейшим европейским веяниям моды. Чрезвычайно важны были конфигурация, декор (например, эгрет в модных изделиях сезона 1909-1911 гг.) и размеры шляпы.

Особую совокупность составляют предметы декоративно-прикладного искусства, служащие для оформления быта и интерьера, отличающиеся редкостью, высокой ценой, использованием дорогостоящего сырья. К ним относились элементы отделки зданий (художественное литье, витражи), фарфор, предметы интерьера, например, часы, ювелирные изделия.

Можно утверждать, что к предметам роскоши в начале XX века относились технические новинки: автомобили, телефон, граммофон. Большая часть этих товаров импортировалась: автомобили – из Франции, Германии, США (самыми популярными марками были Рено, Пежо, Опель, Форд), граммофоны, телефоны – из Германии.

Одной из составляющих института роскоши были формы проведения досуга, естественно, в основном элитой общества. Это – развлечения (театры, кинематограф, кабаре, дворянские клубы, азартные игры); спорт (французская борьба, классический бокс, мотоциклетные гонки, парусные регаты, скачки, воздухоплавание).

Организация потребления и формы распространения предметов роскоши в начале XX века существенно отличались от предыдущей эпохи: повысилась роль универсальных и специализированных магазинов («Петровский пассаж» и «Верхние торговые ряды» в Москве, «Большой Гостиный двор» и «Новый пассаж» в Петербурге), увеличилось число ресторанов, парикмахерских, салонов мод.

Описывать детали института роскоши не входит в задачу автора. Важнее выяснить, **что изменилось в нем в период Первой мировой войны**. Очевидно, что цены, масштабы потребления, ассортимент товаров и услуг, востребованность предметов роскоши в обществе не могли оставаться довоенными. Произошло сокращение отечественного производства, многие художественные предприятия были перепрофилированы, или прекратили свою деятельность. Разумеется, такие известные фирмы, как К. Фаберже, обслуживавшие прежде всего нужды Императорского Двора, сохранили своих заказчиков. Но и они скорректировали свой ассортимент: известно, что фирма Фаберже в 1915-1916 гг. по просьбе императорской фамилии выпускала вместо изделий из драгоценных металлов деревянные пасхальные яйца.

Тем не менее, основные каналы распространения роскоши сохранились и в годы войны, особенно в столицах. Не прекращали своей работы Елисеевский магазин в Москве и Петрограде, ресторан «Эрмитаж», Английский клуб в Москве. Правда, половина помещения Английского клуба была отдана под госпиталь. Но для клуба осталась значительная территория: прихожая, аванзал, «портретная», «кофейная», общая гостиная, читальня и столовая [Там же, с. 248]. В клубе продолжались азартные игры в баккара, «железку», что являлось незаконной формой досуга. Известно, что с началом войны были запрещены азартные игры, в том числе тотализатор, было запрещено также устраивать бега. Однако и этот запрет после Февральской революции был снят.

Во время войны не прекращали работу театры. Накануне Февральской революции 1917 года Мариинский театр в Петрограде в среднем посещали 1760 человек в день, Александринский – 1440, Михайловский – 913. Билет в императорский театр стоил 1,5 руб. [3]. В Москве также продолжалась театральная жизнь. «Русское слово» 1 января информировала о том, в театре К. И. Незлобина давался спектакль «Враги» М. П. Арцыбашева, в Мамонтовском театре миниатюр – «Барышня Маня и Сенька-разбойник».

Доступным оставался и кинематограф – в 1916 году в России работало 164 прокатных и производственных кинопредприятий. В Петрограде электрический театр Пикадилли в день посещало 915 человек. Спортивные мероприятия во время войны проводились в обеих столицах. В 1917 году в Петрограде прошел чемпионат мира по французской борьбе, в мае 1917 года в Москве состоялись мотоциклетные гонки, летом в Разливе – парусная регата, на Крестовском острове – турнир по большому теннису.

Но самое главное, несмотря на «сухой закон», не замирала ресторанный жизнь. Мемуары и периодическая печать свидетельствуют, что число ресторанов и трактиров в годы войны выросло, увеличилась заполняемость заведений, особенно в вечернее время, хотя цены выросли в несколько раз. Бутылка вина стоила в среднем 20 рублей, коньяк – 80. Их подавали под видом безалкогольных напитков, водка преимущественно наливалась из нарзанной бутылки. Широкой общественности даже были известны «штрафные санкции» за подобную подмену – 3 тыс. руб. [22].

Таким образом, главным изменением для потребителей роскоши в годы войны было изменение ценообразования. Помимо роста цен на продукты питания, выросли цены на французскую и итальянскую одежду и парфюмерию. Увеличились тарифы на услуги: Петроградская дума подняла цены за пользование телефоном в декабре 1916 года для телефонов в семейном пользовании с 49 р. 50 к. до 65 рублей в месяц [26, с. 36]. Были осуществлены и другие меры подобного характера.

Рассмотрим экономический аспект потребления предметов роскоши в России, имея в виду, что основная масса подобных товаров импортировалась.

На международную торговлю в период войны оказали влияние общие тенденции развития производственной сферы. Процесс производства и, следовательно, потенциального импорта во время войны складывался, прежде всего, под влиянием огромного военного спроса. Около 70% продукции европейских стран, участвовавших в войне, шло на удовлетворение военных потребностей. Переключение на военное производство многих отраслей промышленности вызвало резкое сокращение производства предметов потребления.

Внешняя торговля воевавших европейских стран в годы войны оказалась в тяжёлом положении. Значительная часть торгового флота была занята перевозкой воинских грузов, кроме того, подводная война вывела из строя огромное число судов. Наряду с этим и судостроение в первые годы войны сильно сократилось. Всё это создало острый недостаток в кораблях торгового флота, увеличило торговый риск, привело к сильному вздорожанию фрахтов и, следовательно, затруднило мировую торговлю.

Запреты и регулирование ввоза и вывоза, имевшие место почти во всех воевавших странах, также нарушали международный товарообмен. Правительство каждой страны старалось извлечь максимальные выгоды из продажи продуктов отечественного производства. Известно, что Англия оказывала определённое давление на государства, импортировавшие каменный уголь. Германия воздействовала на нейтральные страны путём особого регулирования поставок своих химических товаров.

Сокращение экспорта при одновременном увеличении импорта привело к пассивному состоянию торгового баланса во всех воюющих странах Европы. По подсчётам Т. Ф. Измestьевой в 1914 году экспорт России выражался в 956,1 млн руб., импорт – в 1,098 млрд, из чего следует, что пассив внешнеторгового баланса уже в первый год войны составил 142 млн руб. [10, с. 162]. В целом торговый баланс России в период Первой мировой войны существенно изменился. Если в 1913 году вывоз превышал ввоз на 150 млн руб., то в первой половине 1917 года пассив составил 1,1 млрд руб. [Там же, с. 60-61].

Как видим, война подвергла экономику России серьезным испытаниям и поставила перед правительством **задачу более решительного вмешательства** в экономику. Помимо капиталовложений в военно-промышленный комплекс, координации управления экономикой через Особые совещания, чрезвычайных мер по распределению и потреблению продукции, инструментом государственного вмешательства была торговая политика.

Изменения в данной сфере были связаны с огромными общими расходами на ведение войны, бюджетным дефицитом, который покрывался в основном денежной эмиссией, сокращением золотовалютного запаса страны. Следует еще учитывать такие факторы, как падение курса рубля, запретительные меры Правительства не только на ввоз, но на вывоз товаров (хлеба, леса, икры, ценных мехов), необходимость получения из-за границы военных материалов и дорогостоящего сырья, оплачиваемых золотом.

Известно, что к началу XX века традиционными странами, поставлявшими в Россию предметы роскоши, были **Франция, Италия, Персия**, а также Германия, Англия, США. С началом войны были закрыты **границы** с Германией и Австро-Венгрией и южный берег Балтийского моря. С вступлением в войну Турции (16 октября 1914 года) был закрыт выход из Черного моря через проливы Босфор и Дарданеллы. Война с Турцией повлекла за собой не только прекращение торговли с нею, но и невозможность для России поддерживать связи через Черное море с Италией, Францией, Англией и другими западноевропейскими странами. Из европейских границ оставались открытыми, не считая Румынии и Сербии, пути через Архангельск и северную часть Балтийского моря, но на них до войны приходилось всего 5% российского экспорта и 2,5% импорта [13, с. 83]. Поскольку предметы роскоши поступали в Россию в основном из Франции и Италии, а также Персии, ввоз их оказался затруднен.

И. В. Маевский собрал данные о состоянии Архангельского порта во время войны. Он утверждал, что неразбериха на транспорте не позволяла даже военные грузы разгружать и доставлять вовремя и оперативно. Масса прибывших в Архангельский порт заграничных грузов, в том числе военного характера, лежала безо всякого движения на протяжении 1914-1916 гг. [14, с. 163]. Причина была в недостатке подвижного состава, слабой пропускной способности железной дороги, соединяющей порт с центром России, а также следствием злоупотреблений. Эта тема получила широкое освещение в периодической печати и даже обсуждалась на заседании Особого совещания по обороне.

Внешнеэкономическая политика довоенной России отличалась довольно жестким протекционизмом. Действовал **Таможенный тариф** по европейской торговле 1906 года, согласно которому доля взимаемых Россией пошлин с суммы ввозимых товаров значительно превышала аналогичный показатель в других странах: в 1906-1910 гг. Великобритания взимала 6,1%, Австро-Венгрия – 7,3%, Германия – 7,8%, Франция – 8%, Италия – 10%, США – 22,3%, Россия – 30,5% [8, с. 375].

Однако с некоторыми странами, например, с Францией и Италией, Россия имела торговые соглашения конвенционного характера. Из этих стран поступали готовое платье, ювелирные изделия, музыкальные инструменты, книги и другие предметы роскоши. Конвенции предполагали режим наибольшего благоприятствования в торговых отношениях и исключение всех запретов, кроме тех, которые были связанными с военными запасами, общественной безопасностью, государственными монополиями и санитарными нормами. Срок торгового договора с Францией истек через год после денонсации его одной из сторон. Срок торгового договора с Италией истек 31 декабря 1917 года при условии заявления одной из сторон о его прекращении не позднее 31 декабря 1916 года. Таким образом, для изменения условий ввоза или запрета на ввоз в Россию предметов роскоши было необходимо заключить новые соответствующие договоры с союзными державами.

Многие экономисты считали, что ввоз в Россию предметов роскоши с началом войны сократился. Как утверждает автор журнала «Промышленность и торговля», в 1915 году **стоимость ввезенных товаров** (по Европейской границе) составила 21,2 млн руб., тогда как в 1913 году – более 91 млн руб. [Там же, с. 375-376]. Однако, по мнению немецких экономистов, работавших в ученой комиссии МВД Германии по исследованию военного хозяйства, ввоз предметов роскоши в Россию увеличился, пока не был ограничен законодательным путем 20 октября 1916 года, а в феврале 1917 года вообще запрещен. Об этом свидетельствуют подсчеты Рудольфа Клауса – одного из членов этой группы, – основанные на показателе ценности товаров в довоенных ценах, то есть без учета инфляции. Стоимость готовых изделий, ввезенных в Россию, во втором полугодии 1914 года, составляла 43,4 млн руб., во втором полугодии 1916 года – 173,2 млн руб. [13, с. 85]. Таким образом, стоимость ввезенных товаров роскоши из Европы увеличилась почти в 4 раза.

При анализе социально-экономической сущности категории «роскошь» немаловажным является **вопрос о потребителях этих товаров и услуг**. Каково было общее количество потенциальных заказчиков и покупателей предметов роскоши? Понятно, что это городское население, в первую очередь двух столиц. В 1913 году численность населения России (без Финляндии) достигала по разным оценкам 165-170 млн человек, в российских городах проживало 26-27 млн человек (15-17% населения), то есть в целом было не столь значительным, как в Европе или США [17, т. 1, с. 130]. Но для оценки количества потребителей роскоши важнее другой показатель: в начале XX в. заметно выросло **население крупных городов**. В Петербурге оно увеличилось с 1,3 млн до 2,2 млн человек, а в Москве – с 1 млн до 1,7 млн человек. Города, в которых проживало свыше 100 тыс. человек, сосредоточили 33% всего городского населения страны [11, с. 62]. Следует также учитывать, что предвоенный период (с 1908 г. по 1913 г.) был временем значительного **увеличения национального дохода России** и богатства населения, распределенного, правда, очень неравномерно. Свидетельством роста благосостояния и покупательной способности населения было двойное увеличение за указанный период размеров вкладов в сберегательные кассы и на текущие счета в банках, а также то,

что «русские стали активно выкупать ценные бумаги, издавна находившиеся в руках иностранцев» [4, с. 55]. Однако объективная оценка преуспевания предвоенного российского общества требует сравнения показателей России со странами Запада. В целом прирост национального дохода на душу населения в России был значительно ниже, чем в странах Запада. В 1913 году в США этот показатель составил \$321, во Франции – \$178, в России – \$61 [17, т. 2, с. 394]. Но к потреблению предметов роскоши эти цифры имеют косвенное отношение, так как учитывают общую численность населения. Тем не менее, российская элита, безусловно, отставала в потреблении технических средств. В 1913 году число абонентов телефонной сети в России составляло 0,19 на 100 человек, в США – 9,8. Автомобильный парк России был представлен 9 тыс. автомобилей, во Франции – 91 тыс. В США – 125,8 тыс. [Там же, с. 409, 411].

Представление об уровне жизни населения не может быть полным без указания **цен на продукты, услуги и предметы потребления**. Приведем некоторые среднегодовые цены на продукты питания в 1913 году в Москве, учитывая, что в провинции они были несколько ниже, а в Петербурге – выше. Хлеб пшеничный стоил 12 копеек за 1 кг, говядина высшего сорта – 50 копеек за 1 кг, колбаса копченая – 75 копеек за 1 кг, чай – 1 рубль за фунт, 1 литр водки – 30 копеек. Цены на промышленные товары в 1913 году были следующими: ботинки женские – 4 рубля, полушубок – 15 рублей, сервиз фаянсовый на 12 персон – 10 рублей [6, с. 256-257]. При среднемесячной заработной плате в 1913 году в 24,2 рубля (без учета прибылей предпринимательского сословия) можно считать уровень потребления и покупательную способность населения России средней.

Первая мировая война, естественно, изменила цены на продукты и условия жизни народа. Вынужденное сосредоточение всей промышленной деятельности на военном производстве разрушало внутренний рынок. Промышленность не удовлетворяла нужды гражданского населения, образовался дефицит товаров, цены на них значительно выросли, страна вступила в период прогрессирующей инфляции и безудержной эмиссии.

К середине 1915 года такие экономические проблемы, как огромные расходы на военные нужды, пассивный внешнеторговый баланс, дефицит бюджета, сокращение золотовалютного запаса, рост цен потребовали **действенного регулирования со стороны государства и общества**. Были созданы Особые совещания по обороне, топливу, перевозкам и продовольствию, с участием бизнеса образованы военно-промышленные комитеты, другие руководящие органы. Попытки воздействия на экономическую политику правительства были предприняты Государственной думой, которая к этому времени во многих вопросах была в оппозиции к официальному курсу.

Внешняя торговля в период войны многое определяла в развитии экономики. Проблемы внешней торговли были связаны с другими экономическими задачами военного времени. Без разрешения одной нельзя было подступиться к решению других. Об этом свидетельствует **дискуссия в Государственной думе**, состоявшаяся во время работы четвертой сессии, открывшейся 19 июля 1915 года. Одним из предметов обсуждения были условия внешней торговли Российской империи. От фракции прогрессистов депутатом А. А. Бубликовым был внесен **законопроект о запрете ввоза в Россию предметов роскоши**. Этот законопроект примечателен тем, что, во-первых, вызвал значительный общественный резонанс. Во-вторых, отклоненный ГД в августе 1915 года, рассматривался еще раз в июне 1916 года и тоже не был принят. В итоге было принято два постановления Правительства в октябре 1916 года, в результате которых ввоз предметов роскоши на территорию России все-таки был запрещен. Большевики, придя к власти в 1917 году, соответствующим декретом подтвердили запрет.

Известно, что программа созданного в 1915 году Прогрессивного блока провозглашала систему ценностей, основанную на либеральных идеях, рационализме, свободе предпринимательства и «промышленного творчества». Центральной фигурой общественного прогресса становилась передовая, политически активная торгово-промышленная буржуазия, ответственная за спасение страны. Как представляется, в дебатах по поводу законопроекта А. А. Бубликова эти идеи проявились вполне отчетливо.

Интересна личность законодателя. **А. А. Бубликов** (1875-1941 гг.) был инженером путей сообщения, прогрессистом, депутатом ГД, после Февральской революции – комиссаром в Министерстве путей сообщения. Характеристика военной эпохи и взгляды самого Бубликова отражены в его мемуарах, написанных в Нью-Йорке в 1918 году. Будучи мыслителем, политиком, экономистом и инженером-практиком, он объяснял интерес, проявленный обществом, прессой к его и подобным законопроектам. «Основная черта русской души – это стремление к справедливости. Поэтому вопросы распределения исконно интересовали мыслящих людей гораздо больше, чем вопросы производства. Отсюда все шаги – хлебная монополия, нормирование промышленности...», – писал А. А. Бубликов [2, с. 93].

Анализ воспоминаний показывает, что автор законопроекта о запрете роскоши имел мышление инженера и рационалиста, выступал не столько политиком, сколько экономистом. Он призывал к сокращению эмиссии денежных знаков, разрушающей финансы страны; к ослаблению налогового пресса на бизнес, что вело к сокращению производства; к снижению темпов роста заработной платы, что могло бы приостановить темпы инфляции.

На страницах мемуаров А. А. Бубликов отстаивал свои взгляды, касающиеся роскоши и рационального потребления, дополняя аргументы личными впечатлениями. Будучи очевидцем событий 1916-1917 гг., он замечал, как «все франтят, покупают разные ненужные вещи, предметы роскоши», видел солдат, купавших шоколад по 6-8 руб. за фунт, арбузы по 3 руб., персики по 12 р., груши по 7 руб. за штуку, денатурат по 50 руб. за бутылку и даже золотые портсигары «потяжелше». «В Гостинном Дворе женщины скупают дорогие материи тюками. Театры и клубы набиты битком. Мотовство безумное» [Там же, с. 63, 136]. В письмах Бубликова есть «крик души», обращенный к соотечественникам: «сберегайте каждую копейку, не покупайте ничего такого, без чего можно обойтись».

Рассмотрим ход и особенности дебатов по финансовым проблемам на заседании бюджетной и финансовой комиссий Государственной думы 4-6 августа 1915 года. Вызывает интерес сообщение Председателя о том, что представители прессы в кулуарах уже начали свое обсуждение актуальных экономических проблем и ждут от него комментариев по этим вопросам. Председатель М. М. Алексеенко, таким образом, снимал с себя ответственность за последующие публикации в печатных органах [24, с. 20]. Как показало изучение материалов прессы за 1915-1916 гг., журналисты действительно были прекрасно осведомлены о ходе дебатов в Думе и обсуждали на страницах печатных органов еще непринятые законопроекты.

А. А. Бубликов выступил с комплексной программой предотвращения «экономической катастрофы», главными причинами которой он считал сокращение золотовалютного запаса страны и, как следствие этого, прекращение свободного обмена бумажных денег на золото. В условиях сокращения притока иностранных инвестиций в экономику России в период войны, роста военных расходов и расширения военных заказов за рубежом финансовый кризис был неизбежен. А. А. Бубликов и другие депутаты видели возможность стабилизации финансового положения в улучшении показателей торгового баланса России, который уже в 1915 году стал пассивным. Следует отметить, что спешка с принятием законопроектов, касающихся внешней торговли, была вызвана ожиданием скорой победы Великобританией в Дарданельской операции, начатой в феврале 1915 года и, следовательно, открытием проливов Босфор и Дарданеллы для торговых судов. Читая стенограммы заседания Государственной думы, можно выявить поразительный факт: о победе в войне в августе 1915 года говорили как о почти свершившемся факте, поэтому основные расчеты строились на послевоенное время.

Программа прогрессистов включала: запрет ввоза предметов роскоши с 1 июня 1916 года сроком на 3 года (список предметов прилагался), запрет на выезд российских туристов за рубеж (например, на Принцесы острова, в Бискру, в Геополис), контроль общества: за экспортом хлеба (не допустить демпинга со стороны некоторых российских продавцов), за военными заказами (распределять рационально и непредвзято) и банковскими операциями (используя опыт С. Ю. Витте), помощь государства золотопромышленникам и, как неизбежная мера, – внешний заем. Дебаты продолжались три дня, выявили множество противоречий в проекте и показали, что ни Дума, ни Правительство (в лице министра финансов П. Л. Барка, присутствовавшего на заседаниях), не были готовы в 1915 году к его принятию, хотя многие признавали эти меры правильными. Аргументы воздерживающихся были следующими: сложности практического осуществления, интересы союзной Франции, неразбериха с таможенными ставками на товары, неясность, какому ведомству (Министерству финансов или Министерству промышленности и торговли) следует безотлагательно этим заняться. Кроме того, имелись и альтернативные предложения, которые могли способствовать достижению поставленных целей.

Эти доводы были не лишены оснований. Действительно, предметы роскоши в Россию ввозились в основном из Франции, где Правительство и собиралось, помимо Англии и США, заимствовать финансовые средства. Запрет на импорт французских товаров мог вызвать ответные меры с французской стороны. Это тот случай, когда экономические проблемы тесно связаны с политикой: правительства западных стран могли предположить, что Россия стремится к сепаратизму в то время, как в России была сильна «партия Запада». Не следует также забывать о том, что Россия уже имела крупные долговые обязательства перед странами Запада, которые составляли по разным оценкам от 6,5 до 8 млрд руб., и в 1915-1916 гг. министр финансов П. Л. Барк вел в Париже и Лондоне переговоры о новых займах.

Несовершенстве Таможенных соглашений выявил депутат от кадетов С. В. Востротин. Он изучил изменения, уже внесенные Правительством в тарифные соглашения, и выступил с критическими замечаниями. С. В. Востротин заметил, что были обложены повышенными ставками чай, кофе, сельдь, хлопок, бумажная пряжа. В то же время пошлины на коньяк, шампанское, сыры, сардины в масле, косметику (белила, румяна, составы для окрашивания волос, духи, эликсиры, помада, косметическое мыло), музыкальные инструменты, шелковые ткани, кружева, перья для украшений, дамские шляпы освобождены Правительством от повышенных таможенных ставок и остались без изменения [24, с. 75]. Причем часть этих товаров даже не входила в российско-французскую конвенцию и уж, конечно, не являлась предметом первой необходимости.

Особую дискуссию вызвало обложение таких статей импорта как **хинин и кофеин**. Тариф на эти товары был повышен с 2 до 80 рублей с пуда. Известный общественный деятель, кадет, член Прогрессивного блока, А. И. Шингарев назвал эти тарифы налогом на болезнь и несчастья и предложил «факультативное», «эластичное» решение вопроса.

В результате возникло предложение «в российском стиле»: создать комиссию по пересмотру таможенных тарифов и обсудить повышение ставок налогообложения на определенные товары, хотя депутаты признавали, что они и так уже чрезвычайные (на некоторые – 40% с цены товара). Главное, как отметил А. И. Шингарев, не затруднять население в приобретении необходимых ему товаров. Проект А. А. Бубликова даже не был поставлен на голосование в комиссиях. Он, видимо, выразил «несвоевременные мысли», не поддержанные другими депутатами. Может быть, в 1915 году финансовое положение страны еще не считалось Думой критическим, законопроект о запрете ввоза предметов роскоши еще не назрел.

17 июня 1916 года законопроект А. А. Бубликова опять обсуждался Государственной думой и опять не был принят [22, с. 443]. 20 и 27 октября 1916 г. Правительство специальными распоряжениями уже без всяких согласований приняло решение сначала ограничить, а потом и запретить ввоз предметов роскоши в Россию с 1 февраля 1917 года [19]. Однако правительственное распоряжение имело значительные исключения по каждой из статей запрета. Формулировка «кроме» применительно к предметам роскоши в документе встречается 13 раз. Это означало, что группы товаров оставались разрешенными для ввоза на территорию

Российской империи. Кроме того, некоторые товары разрешалось поставлять через Приамурское, Иркутское генерал-губернаторства и Забайкальскую область.

Таким образом, роскошь в российской жизни осталась, хотя сократились масштабы потребления и ассортимент. На это указывает хотя бы тот факт, что пришедшие к власти большевики 28 декабря 1917 года выпустили постановление ВСНХ № 221 «О запрещении привоза предметов роскоши». В нем перечислены все предметы таможенного тарифа по европейской торговле 1906 года, но внесен пункт об уголовной ответственности за контрабандный провоз обозначенных товаров – до 2 лет лишения свободы и штраф с компенсацией всего имущества [20, с. 237].

Несмотря на то, что законопроект Бубликова А. А. не был принят, пресса его широко обсуждала в таких изданиях, как газеты «Утро России», «Финансовая газета», «Новое время», журналы «Промышленность и торговля», «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Новый экономист».

Целями публикаций либерально-буржуазной прессы на тему роскоши можно считать:

- влияние на экономическую политику Правительства;
- борьбу с роскошью и излишествами, пропаганду рационального и умеренного потребления среди состоятельных граждан, которые рассматривались как проявление патриотизма в годы войны;
- попытки обуздать «зарвавшуюся буржуазию», разбогатевшую на военных заказах и получавшую сверхприбыли;
- поддержание общественного оптимизма, демонстрация веры в скорую победу в войне и экономическое процветание России;
- стремление снизить остроту социальных проблем и напомнить об ответственности бизнеса перед обществом.

Реакция прессы на законопроект А. А. Бубликова и проблему в целом была развернутой и всесторонней. Высказывались аргументы за ограничение ввоза и потребления предметов роскоши и против. Известный экономист **А. Г. Рафаилович** выразил их следующим образом. Роскошь – понятие неопределенное, относительное, изменяющееся в зависимости от исторических условий; роскошь является мощным стимулом повышения производительности труда и благосостояния народа; выражением и следствием инстинкта подражания низших сословий образу жизни элиты общества; способствует оживлению торговли, расширяя рынки сбыта для продуктов, которые ранее потреблялись небольшим кругом состоятельных лиц, например, кофе, сахара, часов, зеркал, обоев и т.д. Таким образом, «границы роскоши постоянно расширяются, становятся достоянием широких народных масс и двигателем общественного прогресса, особенно в области прикладного искусства», – пишет А. Г. Рафаилович [12, с. 13]. С этой точки зрения борьба с роскошью представлялась крупной ошибкой.

Однако меры по ограничению ввоза некоторых товаров уже были приняты воюющими странами. Аналитики отмечали, что **мотивы введения** ограничения на ввоз товаров определялись различными условиями. Если Германия, Австро-Венгрия и Франция имели целью стабилизацию курса национальной валюты, то Англия в первую очередь руководствовалась соображениями недостатка тоннажа торгового флота. В зависимости от задач определялся и список запрещенных к ввозу товаров в конкретной стране. Для Англии – это громоздкие грузы, такие как автомобили (для частных лиц), музыкальные инструменты, бумага, фарфор. В Германии список состоял из живых растений, продуктов питания, парфюмерных и косметических товаров, мехов, ювелирных изделий и игрушек. Причем Австро-Венгрия на ввозимые «излишние» товары ввела обязательную уплату таможенных пошлин золотом. Российская печать отмечает, что это были не только экономические, но политические меры ведущих держав Европы.

Для России возможное принятие мер против потребления предметов роскоши анализировалось экономистами с **двух позиций**: как средство регулирования, рассчитанное на **послевоенное время**, принятое в целях стабилизации курса рубля и защиты отечественного производителя, и как **мера «военная»**, направленная на экономию, снижение инфляции, против непомерных расходов некоторой части населения на продукты, не являвшиеся необходимыми.

В первом случае выражались серьезные сомнения в целесообразности их принятия. Их высказывает автор журнала «Промышленность и торговля», выступивший под псевдонимом «В. Г.». Из текста статьи становится понятно, что пишет экономист, знакомый с содержанием русско-французской торговой конвенции и торгового договора с Италией.

Экономист доказывает, что влияние обсуждаемых мер на экономическое положение России незначительно. Приводятся цифры доходов в казну за 1913 год: ввезено предметов роскоши на 91 млн руб., таможенных пошлин за них было уплачено 28 млн руб. В 1915 году через европейскую границу ввезено товаров роскоши на 21,2 млн руб., то есть ввоз существенно сократился и, следовательно, сократилось поступление денег в казну [8, с. 376].

Исходя из этого, проблему роскоши в военное время предлагалось рассматривать не столько как меру валютного характера, сколько как составную часть широкой борьбы с излишними тратами на предметы роскоши со стороны части российской элиты. **Вместо запрета ввоза предметов роскоши** экономистами предлагались более эффективные меры, например, повышение таможенных пошлин и ведение военноподоходного налога с высокими ставками помимо планируемого налога на военные прибыли. То есть рекомендовалось ввести налог и на потребление, и на ввоз предметов роскоши. Необходимо было также, как указывает обозреватель «Промышленности и торговли», заново проанализировать список предметов роскоши созданной с этой целью Особой комиссией по пересмотру торговых договоров.

Бесомым аргументом противников запрета ввоза предметов роскоши были возможные **ответные меры стран-импортеров российских товаров**. Этот мотив выдвигался, в частности, «Новым временем», которое отмечало, что «Италия и Франция во время войны и так отвыкли от нашего хлеба, трехлетний же запрет на их товары может и совсем отдать французский и итальянский рынок в руки Канады и Аргентины». «Финансовая газета» также считала, что вступать в экономический конфликт с союзниками нежелательно, а введение подобных мер требовало предварительного с ними обсуждения [21, с. 381]. Помимо этого, долговые обязательства России перед союзными державами и необходимость получения новых займов не позволяли ущемлять их интересы в торговой сфере.

Существовал еще и политический аспект проблемы. Вся либерально-буржуазная печать военного времени была буквально пропитана идеей верности союзническому долгу и войны до победного конца. «Мы хотим победы в войне и вместе с союзниками добьемся ее. Волей к победе проникнута ответная нота союзных держав на предложение президента Вильсона. Это корректный, достойный отказ от преждевременного мира» [25].

Отношение общества – российского и европейского – к союзническим обязательствам описано в **мемуарах А. Н. Бенуа**, русского художника, основателя и главного идеолога объединения «Мир искусства». Как известно, род Бенуа имел французские корни, и в его салоне и в военное время бывали многие иностранцы. В записях, относящихся к январю 1917 года, он приводит мнение швейцарца Артура Гессена об отношении русских властей к союзникам, в особенности к французам: в концессиях отказывают («собаки на сене»), хлеб, несмотря на договоры, не дают в установленном количестве, издают «нелепый закон о запрещении ввоза предметов роскоши, чем наносит чувствительный удар по ряду французских предприятий» [1, с. 82]. Этот зафиксированный в дневниках взгляд отражал настроения российской творческой интеллигенции, которая привыкла к тесным контактам с Францией, пользовалась ее продукцией, подражала модным веяниям. Однако как мера социально-духовного характера запрещение ввоза предметов роскоши вызывала безусловное сочувствие общества. Пресса отражала эти настроения и осуждала мотовство и излишество потребления, недопустимые в период войны.

Дискуссия в прессе по вопросу о потреблении предметов роскоши не завершилась однозначными выводами. Характерна позиция известного публициста и общественного деятеля, ведущего сотрудника газеты «Новое время» **М. О. Меньшикова**.

Меньшиков был известен как мыслитель, который призывал русских к объединению, к сохранению русской нации, к формированию русского патриотического среднего класса, к отстаиванию собственных интересов в торговле с западными странами. Он осуждал подражание российской интеллигенции Европе, копирование вкусов, моды, стремление к высокому уровню потребления, свойственному европейскому обществу. И именно этот публицист выступал за сохранение ввоза предметов роскоши из западных стран и расширение возможностей послевоенного сотрудничества с Европой. В чем причина такой позиции? Была ли она следствием реалий военного времени? Думается, ключом к ответу на эти вопросы является меньшиковское понимание цивилизации как единого целого, осознание единства русской и европейской интеллигенции. «Современный русский — интеллигент» одевается как француз, ест, как англичанин, поет, как итальянец, думает и чувствует, как эти иноземцы вместе взятые», – пишет Меньшиков [15, с. 304]. Вместе с тем он признает отставание России от Запада в первую очередь в технике и производстве. Можно ли при этом, даже будучи националистически настроенным патриотом, настаивать на сокращении торговых связей?

Есть еще одно немаловажное соображение, лежащее в основе взглядов Меньшикова. Роскошь для него – это результат вековых завоеваний человечества, символ цивилизованного общества, где «в каждую складку мебели, в каждый рисунок паркета вложен столетиями накопленный вкус» [Там же, с. 361]. Правда, он сетует, что современники часто не находят времени и средств, чтобы в полной мере насладиться комфортом и роскошью, дарованными прогрессом. Однако, предметы искусства для него, несомненно, имеют особую ценность, поэтому их производство и распространение заслуживают всемерного поощрения. Подобные взгляды отражали убеждения, образ мыслей значительной части российской интеллигенции.

Уже упоминавшиеся мемуары А. Н. Бенуа свидетельствуют о том, что **салонная жизнь** не прекращалась в годы войны. Описан один из вечеров, который провели Бенуа и Евгений Лансерэ у Гессенов. Помимо прочих событий этого раута, например, исполнения музыки Р. Вагнера, обсуждали законопроект А. А. Бубликова. Иосиф Владимирович Гессен, известный адвокат, публицист, член партии кадетов, защищал законопроект о запрете ввоза предметов роскоши в Россию [1, с. 83]. Творческая натура Бенуа отторгала запреты, пресечения, изъятия в принципе. Эти дебаты еще раз подчеркивают тот факт, что война не слишком изменила быт и нравы художественной элиты российского общества.

Особенно это касалось женской половины российского общества. Точка зрения З. Вернера о **гендерном характере роскоши** в индустриальный период развития общества нашла убедительное подтверждение в российской истории периода Первой мировой войны. Журнал «Солнце России» за 1916 год, издаваемый в Петрограде, опубликовал статью под названием «Модоборчество». Автор статьи замечает, что годы войны стали для обществ Петрограда и Москвы временем безумного мотовства, особенно заметного в дамских туалетах. Ввиду трудностей поставок из Франции модистки «берут за фасон 450 рублей и дамы умоляют взять заказ» [18, с. 12]. И даже на устроенном специально в рамках «модоборчества» вечере мод, где были представлены платья в русском стиле и только из российских тканей, самое дешевое платье стоило 250 рублей. Но были и модели, цена которых доходила до 2 тысяч рублей. Подобный фарс журналист охарактеризовал собственным фразеологизмом: «Роскошь роскошью вышибай».

Аристократки Петрограда пытались бороться с роскошью различными средствами. По инициативе княгини Е. П. Тархановой было создано «Всероссийское общество противодействия роскоши и расточительности». Решено было бороться «словом и делом». Предполагалось носить костюмы упрощенного покроя, развивать сеть кооперативных лавок, торгующих тканями «по справедливой цене», в театрах появляться в скромных платьях и даже повесить воззвания по этому поводу. Дальше – больше: неистовые «патриотки» из указанного общества призвали отказаться от приемов, зрелищ, вечеров, не имеющих нравственно-воспитательного значения, воздерживаться от тонких блюд, дорогих сигар, вин и покупать товары только отечественного производства [Там же, с. 13].

Борьбу женщин против роскоши поддержали представители «сильного» пола. Н. И. Кулябко-Корецкий, русский общественный деятель, корреспондент «Русских ведомостей» в Швейцарии и Болгарии в 1903-1905 гг., издатель и редактор газет в Ставрополе, Гомеле и Петербурге в 1910-1915 гг., побывав в военное время в Париже, заметил, что там «царит скромность» и предложил закрыть все театры на время войны.

Однако чувство патриотизма, проявляемое столь нарочитым образом, видимо, не вызвало широкого отклика общественности. Нет никаких сведений в печати о дальнейшей судьбе общества княгини Тархановой. Ясно, что такая деятельность носила показной характер, борьба осталась декларативной и часто карикатурной.

Итак, роскошь – социально-экономический феномен, связанный с процессом потребления материальных и духовных благ. Он означает совокупность социальных практик, которая выражается в традициях, нормах, образе мыслей и жизни, например, людей искусства, в ценностях и идеалах, в обладании вещами, которые называются статусными. Роскошь можно считать социальным институтом, изменяющимся в зависимости от исторических условий, однако, обладающим признаками устойчивости и повторяемости. Часто роскошь выступает как излишества в жизненных удобствах и удовольствиях, связанных с расточительством.

В разные исторические эпохи государство пыталось регулировать потребление роскоши, имея целью сохранение социальной стабильности общества. Средства и методы государственного управления были различны и зависели от исторической обстановки.

Первая мировая война перестроила международные экономические отношения, основы производства, потребления и распределения материальных благ, потребности людей, видоизменила торговые пути. Произошли значительные изменения и в экономической политике государств в сфере формирования экспорта и импорта, пересмотру подверглись международные торговые соглашения.

Подобные трансформации не могли не вызвать сдвигов в сложившейся системе потребления благ. Однако, что касается российской экономики и социума, то следует отметить определенную инерцию процессов, установок и стремлений. В период Первой мировой войны структура предметов роскоши, потребляемых элитой российского общества, существенно не изменилась. Потребление этих предметов некоторой частью населения в период войны даже выросло, что было вызвано сверхприбылями, полученными вследствие реализации выгодных казенных заказов.

Меры регулирования потребления роскоши, применяемые российским государством, были непоследовательными, зависели от внешнеполитических и иных условий. Отношение общества к этим процессам было также не вполне определенным. С одной стороны, признавалась необходимость всемерной экономии в расходовании ресурсов, с другой – находилась масса аргументов против запрета ввоза предметов роскоши.

Дискуссия происходила в Государственной думе, общественных организациях, на страницах периодической печати. Подчеркнем, что у проблемы имелось два звена: теоретическое осмысление и практическое решение в условиях войны. Немаловажными были соображения, касающиеся послевоенного устройства мира и экономического сотрудничества России со странами Запада, а также патриотические идеи и лозунги.

Список литературы

1. **Бенуа А. Н.** Мой дневник. 1916-1917-1918. М.: Русский путь, 2003. 704 с.
2. **Бубликов А. А.** Русская революция. Впечатления очевидца. Нью-Йорк, 1918. 160 с.
3. **Ведомости петроградского градоначальства.** 1917. 25 февраля.
4. **Верт Н.** История советского государства. 1900-1991. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
5. **Гиляровский В. А.** Москва и москвичи. М.: Правда, 1985. 528 с.
6. **Давыдов М. А.** Уровень потребления в дореволюционной России // О причинах русской революции / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. С. 225-278.
7. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: АСТ; Астрель, 2001. Т. 4. 575 с.
8. **Запрещение ввоза предметов роскоши** // Промышленность и торговля. 1916. № 13 (215). 26 марта. С. 374-376.
9. **Зомбарт В.** Любовь, роскошь и капитализм / сокр. пер. Н. И. Суворова. Пб.: Благо, 1917. 72 с.
10. **Измestьева Т. Ф.** Россия в системе европейского рынка, конец XIX – начало XX в. М.: МГУ, 1991. 190 с.
11. **История России XX – начала XXI века** / под ред. Л. В. Милова. М.: Эксмо, 2006. 768 с.
12. **К вопросу о борьбе с роскошью** // Промышленность и торговля. 1916. 9 июля. № 26-27 (226). С. 12-15.
13. **Клаус Р.** Война и народное хозяйство России (1914-1917 гг.). М. – Л., 1926. 116 с.
14. **Маевский И. В.** Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Дело, 2003. 288 с.
15. **Меньшиков М. О.** Великорусская идея / сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. I. 688 с.
16. **Мировая война в цифрах.** М. – Л., 1934. 128 с.
17. **Миронов Б. Н.** Социальная история России периода империи (XVIII – н. XX в.). СПб., 2000. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 568 с.
18. **Модоборчество** // Солнце России. 1916. № 329 (23). С. 12-14.

19. **О воспрещении привоза в Империю предметов роскоши** // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг., 1916. № 348. Ст. 2970-2971, 3797-3798.
20. **О запрещении привоза предметов роскоши** // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 15. С. 237-238.
21. **Обзор печати** // Промышленность и торговля. 1916. № 13 (215). 26 марта.
22. **Открытое заседание 58 17 июня 1916 года** // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Четвертая сессия. Пг., 1916. Стб. 5596.
23. **Речь**. 1917. 1 января.
24. **Стенографический отчет заседаний соединенных комиссий бюджетной и финансовой 4, 5 и 6 августа 1915 года** // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Четвертая сессия. 19 июля – 3 сентября 1915 г. Пг., 1915. С. 1-121.
25. **Утро России**. 1917. 1 января.
26. **Хроника городской жизни** // Городское дело. 1917. № 1. С. 23-43.

LUXURY IN THE RUSSIAN SOCIETY IN PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR: ECONOMIC AND SOCIAL ASPECTS

Ageeva Elena Andreevna, Ph. D. in History, Associate Professor
Financial University under the Government of the Russian Federation
Ageeva_Elena_Andreevna@mail.ru

In the article the attempts of luxury consumption control made by the Russian state and society in the period of the First World War are considered. Special attention is paid to controversy about the import of luxury articles into the territory of Russia. In the work the peculiarities of the luxury institution of the Russian society of the beginning of the XX century and the period of the First World War are also analyzed. Some historical sources are introduced into scientific use by the author for the first time. The work is of interdisciplinary type, it is written at the junction of social, historical and economic sciences.

Key words and phrases: luxury; the First World War; economic policy of state; prohibition of luxury articles importation; consumption control; institution of luxury; discussion in society.

УДК 78.071

Искусствоведение

Статья посвящена российским пианистам, эмигрировавшим в Японию после революции 1917 г. Обозначен вклад А. Рутин, П. Виноградова и М. Шапиро в японскую музыкальную культуру. Ряд аспектов их деятельности впервые рассмотрены в отечественной научной литературе. Показана связь их работы в Японии с традициями русской пианистической школы. Сделан вывод, что музыканты продолжали ощущать себя частью русского пространства и, вместе с тем, воспринимали культуру Японии как во многом близкую. Последнее связывается с базовыми чертами русского культурного сознания.

Ключевые слова и фразы: Япония; фортепиано; русская фортепианная школа; эмиграция; Павел Виноградов; Александр Рутин; Максим Шапиро.

Айзенштадт Сергей Абрамович, к. искусствоведения, профессор
Дальневосточная государственная академия искусств
mail@dv-art.ru

А. РУТИН, П. ВИНОГРАДОВ, М. ШАПИРО: РУССКАЯ ФОРТЕПИАННАЯ ШКОЛА В ФОРМИРОВАНИИ ЯПОНСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ[©]

Настоящая статья посвящена трем российским пианистам, бежавшим от бедствий, порожденных российской революцией 1917 года, и связавшим свой жизненный и творческий путь с Японией. В данной работе предпринята попытка обозначить вклад, который эти музыканты внесли в становление японской музыкальной культуры, показать их связь с традициями русской пианистической школы, а также уточнить ряд биографических аспектов.

Выдающееся место А. Рутин, В. Виноградова и М. Шапиро в развитии музыкального искусства Страны восходящего солнца признается японскими и европейскими исследователями. В то же время, в нашей стране их деятельность до сего времени не получила должного освещения. Некоторые данные о японском периоде деятельности А. Рутин и П. Виноградова имеются в российской научной литературе. Сведений о творческой биографии М. Шапиро в отечественных источниках нам найти не удалось¹.

Наряду с Китаем, Япония явилась в 20-е и 30-е годы двадцатого столетия важнейшим центром русской дальневосточной эмиграции. Русская диаспора Страны Восходящего солнца в тот период составляла около полутора тысяч человек [4, с. 125].